

МЕЖДУМИРЬЕ

ПОСЛЕДНЯЯ МОРЕНА

АРИНА ВИЛЛЬ

Арина Вилль

Междумирье. Последняя Морена

«Автор»

2026

Арина Вилль

Междумирье. Последняя Морена / Арина Вилль — «Автор»,
2026

Бывшая. Безработная. Бездомная. Два года назад моя жизнь начала рассыпаться с методичностью, которой позавидовал бы любой деструктивный менеджер. Последней каплей стал сгоревший дом, после чего я решилась и... поехала к деревенской ведьме. Логично? Не очень. Но я директор по маркетингу. Мы умеем принимать нестандартные решения, как и расхлебывать потом их последствия. Точнее, я так раньше думала. К таким я оказалась не готова: оказывается уже давно обещана кому-то в качестве уплаты долга крови. Осталось понять: кому и за какие такие заслуги, что меня списали в расход ещё до рождения?

© Арина Вилль, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не прилоняться.	5
Глава 2. Болдинская 13	8
Глава 3. Гроза	11
Глава 4. Шторм	13
Глава 5. Долги, которые нужно отдавать	15
Глава 6. Принимай должность	21
Глава 7. Не балуй лешего	24
Глава 8. Знакомство с коллективом	28
Глава 9. Прорыв.	32
Глава 10. Выхода нет. И входа тоже.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Арина Вилль

Междумирье. Последняя Морена

Глава 1. Не прилоняться.

«Не прислоняться»

Надпись плавно покачивалась перед глазами в такт перестуку колес.

Буквы уже едва читались в сгущающихся сумерках, но мне это было и не нужно. Я старательно пыталась рассмотреть пейзаж, отделенный от меня мутным исцарапанным стеклом, и найти в нем хоть что-то знакомое. Но не находила.

Узкий прокуренный тамбур, двери между вагонами с облезшей коричневой краской и дородная женщина-проводник, подозрительно сверлящая меня взглядом всякий раз, когда проходила мимо. Чем дальше поезд уезжал от станции отправления, тем ярче в голове билась мысль о том, что я делаю непоправимую ошибку.

Хотя, если честно, непоправимые ошибки начали случаться со мной давно. Уже года два как, с методичностью, которой позавидовал бы любой, даже самый заядлый неудачник.

Сначала работа. Уволили красиво, с формулировкой «сокращение должности», как будто это должно было звучать мягче.

Потом сбережения - они ушли вслед за работой по причине технической ошибки банка, которую так и не смогли исправить. Отношения же и без того держались на честном слове, поэтому закономерно рухнули следующими.

Я объясняла всё стечением обстоятельств, чёрной полосой, ретроградным Меркурием - да всем, чем угодно.

Но потом сгорел дом...

Не метафорически. Буквально. Я едва успела выскочить на улицу, задыхаясь от едкого дыма. Страховка не покрыла и половины, а из вещей осталось то, что было сейчас при мне: рюкзак, документы, клетчатая рубашка и кольцо на безымянном пальце.

Прохладный металл больно впивался в кожу, оставляя на ней заметные следы, отчего хотелось побыстрее избавиться от сомнительного украшения.

Однако, увы, пока это было невозможно. Оно не снималось.

Обреченно перевела взгляд за окно, отмечая, что солнце почти село, а значит, ехать осталось совсем ничего. Пара часов и я прибуду в конечную точку маршрута.

Неожиданно поезд ощутимо качнуло, отчего я едва не потеряла равновесие. Вовремя схватившись за поручень возле выхода, мне удалось удержаться на ногах, однако кисть пронзила острая боль.

— Твою ж мать! — громко выругалась я, заслужив очередной неодобрительный взгляд грузной проводницы.

От большого пальца до самого мизинца ладонь прочертила длинная царапина. Очевидно, напоролась в попытке удержаться. Кровь уже начала марать манжету клетчатой рубашки, и я потянулась к рюкзаку, чтобы достать салфетку, когда поезд качнуло второй раз.

— Да что ты будешь делать!

Перед глазами проплыли цветные круги. В этот раз я ощутимо приложила затылком. Рюкзак за спиной мешал держать равновесие, и меня качало. Еще бы сотрясение получить, для полноты, так сказать, комплекта невезений и странных неурядиц. Они начали происходить в моей жизни подозрительно часто.

— Ты бы аккуратнее, девочка, — проводница решила проявить своеобразное сочувствие. — И кто только отпустил в дорогу? Родители хоть в курсе? Или поехала, не спросивши раз-

решения? Ты смотри! Я могу и охрану позвать. Обратно домой и не таких шустрых беглянок возвращали.

Ясно, еще один человек обманулся моей детской внешностью.

Раздраженно дернула плечами. Конечно, я понимала, что большие синие глаза, рассыпанные по щекам веснушки, озорные кудряшки и вздернутый нос сильно снижали мне возраст... но не настолько же!

На работе тоже постоянно смеялись, в шутку называя кнопочкой. Вот только меня это безумно злило. Никакая я не кнопка, и уж тем более не подросток, а Мария Александровна - уважаемый директор по маркетингу.

Хотя, уже не уважаемый.

И уже директор.

— Муж в курсе, — осадила я женщину, дабы избежать дальнейших расспросов, и незаметно провернула колечко камнем вниз, оставляя на обозрении только блестящий металлический ободок.

Глупость, конечно, но так в этот момент казалось спокойнее. Мало ли, действительно охрану вызовут для проверки документов или вовремя выйти не позволят, окончательно признав во мне сбежавшего от родителей подростка. С моим неземным везением и не такое было возможно.

На самом же деле никакого мужа естественно не было, но неснимаемое кольцо подошло здесь как нельзя кстати.

Проводница раздраженно поджала губы и, к моей радости, переключилась на пассажиров в другом конце тамбура.

— Станция Чистые Пруды, — громко и безэмоционально известил механический голос, и я, легко подхватив рюкзак, облегченно выпрыгнула из вагона, едва двери открылись.

Не люблю электрички.

С поездками еще куда ни шло, особенно с тем уровнем комфорта, что предлагают современные железные дороги. Но вот из тесных, выдавших лучшую жизнь вагончиков хотелось сбежать как можно быстрее и, желательно, не думать о предстоящей дороге обратно.

Станция встретила меня пустотой и едва заметным мерцанием одного-единственного фонаря, освещавшего платформу. Здания вокзала не было и в помине. Оно и неудивительно, для поселка в несколько сотен домов собственный вокзал — непозволительная роскошь. Да и сама платформа по площади едва ли дотягивала до десятков метров, и те окончательно заросли высоченной травой вперемешку с борщевиком.

Воздух пах летом. Самым настоящим: прожаренным на солнце и остывающим в долгожданной прохладе вечера.

Неожиданно для себя я с наслаждением вздохнула, вспоминая долгие поездки на дачу в далеком детстве. Там непременно росли на грядках сочные ягоды клубники, а с середины лета поспевали наливные яблоки. Такие привлекательные снаружи и кислые до скрежета на зубах. Нужно было непременно дожидаться первых заморозков, чтобы вместе с местной оравой соседских ребятишек объедать все близлежащие деревья.

Тревога, копившаяся добрую половину дня, отступила, словно бабушка встала за спиной и едва заметно обняла за плечи, успокаивая: тише-тише, всё правильно, всё будет хорошо, как и должно быть. Ты справишься.

— Ну что ж, — я застегнула легкую куртку. Сумерки заставили вылезти из своих укрытий мелкую мошкату, а быть покусанной совершенно не хотелось, — тогда в путь!

В единственном надетом наушнике заиграл любимый Цой, и я бодрым шагом направилась в сторону растянутых вдоль самой кромки леса домов. Они были видны издали и мерцали подобно рассыпанному по полю светлячкам.

Настроение стремительно улучшалось.

Все верно — я обязательно справлюсь.
Интересно только, с чем именно.

Глава 2. Болдинская 13

— Так, Солнечная, 8, поворот направо, Речная, 16... — бормотала я себе под нос, пытаюсь найти нужный дом в хитром переплетении деревенских улочек.

Деревенька оказалась совсем небольшой, однако отсутствие интернета и сотовой связи не позволяло посмотреть расположение улиц на карте. Пришлось действовать креативно и обходить каждый видимый дом, вчитываясь в закрепленные на них указатели.

— Болдинская, 13!

Сверилась с зажатым в руке мятым кусочком бумаги и перевела взгляд на потертую кованую табличку с номером дома. Цифры едва читались, словно впитали в себя всю пыль последнего столетия. Ошибки быть не могло: именно здесь значилась конечная точка моего необычного маршрута. Кто бы сомневался, что это окажется последний дом из тех, что мне пришлось обойти за последний час. Дальше расстился густой сосновый лес, и идти было уже некуда.

Резные ставни парадных окон громко поскрипывали, вторя ветру, и я непроизвольно отшатнулась. Мрачновато. Даже для глубинки.

На деревню уже опустились густые сумерки, проявившие на небе первые звезды, однако над крыльцом дома под номером тринадцать едва заметно горел свет. Меня ждали. По крайней мере, мне хотелось так думать.

Остался последний шаг — зайти внутрь и познакомиться с хозяйкой. Поискала взглядом звонок и, не найдя ничего похожего, просто постучала в деревянные ворота с помощью огромного ржавого кольца на них. Вышло глухо, едва слышно, но к моему удивлению, свет тут же разгорелся ярче и вспыхнул уже над самым входом.

Послышался скрип открываемой двери и хриловатый женский голос прокричал:

— Кого там еще принесло на ночь глядя?

— Это Маша! — пискнула я в ответ.

Вся бравада по поводу уважаемой Марии Александровны вдруг резко испарилась. Здесь, перед выдавшими лучшие времена деревянными воротами, я чувствовала себя самой обыкновенной кнопкой. Мелкой и совершенно бесполезной.

— Мне нужна помощь! Мы с вами договаривались, — добавила еще тише. Ну как договаривались... если можно считать договором короткий телефонный звонок на домашний телефон пару недель назад и последовавшее за этим приглашение приехать, то очень даже договаривались.

— Маша... — женщина задумалась, — ах да, — было слышно, как она всплеснула руками, — помню-помню! А что ж ты так поздно, деточка? Чай, ночь на дворе, уже не надо бы бродить у нас здесь в одиночку.

— Электричка только одна ходит, — я виновато поправила лямку рюкзака, — а своим транспортом не обзавелась. Вы уж простите, что потревожила, но если подскажете, где у вас тут переночевать можно, то от такой помощи я тоже не откажусь.

Послышался шаркающий звук шагов, и тяжелые ворота открылись, представляя говорливую. Невысокая пожилая женщина не была ничем примечательна, кроме ярких живых глаз на морщинистом лице. Этакая бабушка из сказок про русскую глубинку. Даже яркий платок на голове был в наличии и передник на широком платье в цветочек.

— Отчего ж не подсказать, — она внимательно меня осмотрела, начиная с ног, — подскажу. Вот прямо у меня можешь и остановиться, а утром расскажешь, что за беда приключилась, раз одна в такую даль собралась. А пока, утро вечера мудренее. Первые лучи солнца путь и подскажут.

— Спасибо! — я расплылась в благодарной улыбке. — Сколько я буду должна?

Привычно расстегнула молнию на рюкзаке и потянулась к кошельку, мысленно подсчитывая в голове, сколько осталось сбережений, однако женщина меня мгновенно остановила.

— А деньги убери, — она недовольно сверкнула глазами, — цену я тебе потом назову, когда дело сделаю. А уж какой цена будет, никто не знает. Для каждого она своя назначается.

По спине пробежали мурашки: мерзкие и липкие. То ли от неприятного предчувствия, то ли от строгого голоса говорившей и окончательного осознания, в какую глухомань я забралась... однако зрело четкое ощущение, что цена мне не понравится. Передернула плечами в попытке избавиться от навалившегося предчувствия.

— Прогрела, поди? — мой жест не остался незамеченным. — Пробегай скорее в дом. Да ворота поплотнее запри. У самого леса живу, мало ли кто по ночам шататься будет. Здесь у нас разные ночи бывают. И спокойные, и не сильно.

Запретив себе думать о местных странностях, я живо прикрыла распахнутые ворота и опустила изнутри тяжелый деревянный засов. И как только пожилая женщина с ним справляется? Он весил, навскидку, килограммов десять, не меньше.

Едва дерево с глухим стуком ударило о пазы, в груди на мгновение затянуло, словно внутренности ухнули в пустоту. Невидимая нить завязалась внутри тугим узлом, и в солнечном сплетении ощутимо зануло. Поспешно одернула руки и побежала за семяющей впереди старушкой.

Она лишь на мгновение обернулась, но в её глазах мне почудилось одобрение и... интерес, направленный в мою сторону.

Тряхнула головой, прогоняя наваждение. Надо же, привидится такое. Дом оказался на удивление уютным, совсем не таким, каким я себе его представляла. Внешний облик резко контрастировал с внутренним убранством.

Насколько мрачно выглядело строение снаружи, настолько легко и тепло оно ощущалось внутри. Вязаные половички на поскрипывающем от шагов полу, кружевные занавески, обилие цветов на окнах и самая настоящая русская печь в глубине одной из комнат, что была видна от самого входа: всё это придавало ещё больше сходства с родительским домиком в деревне, который мы использовали в качестве дачи. А когда-то, давным-давно, в нём жила мамина мама, моя бабушка.

— Вот, здесь можешь располагаться, — женщина распахнула одну из дверей в конце длинного коридора и включила в комнате свет. — Сейчас принесу белье. Обожди.

Я присела на деревянный стул с резной спинкой и сложила вещи на колени, опасливо озираясь.

Напугавшая меня боль в груди оставила неприятный осадок. Однако сейчас я не находила ничего, что могло бы меня потревожить. На редкость гостеприимная хозяйка, тем более по рекомендации. К непонятно кому меня бы не отправили. Значит, можно доверять.

Комната, что мне выделили, оказалась просторной. Большая кровать была буквально усыпана подушками, одетыми в наволочки с цветастой вышивкой. Лоскутное одеяло, положенное поверх, не позволяло мне разглядеть постель лучше, но отчего-то я была уверена, что найду под ним настоящую пуховую перину. Как в сказке про принцессу на горошине. Даже покосилась ненароком на основание кровати, надеясь найти там тот самый пресловутый горох, но ничего подозрительного не обнаружила.

Дополнял великолепный интерьер шерстяной ковер на стене с причудливыми оленями, что сцепились рогами на зеленой лужайке. Рисунок словно застыл, нетронутый временем. Даже коричневый бок ближайшего ко мне животного, казалось, переливался под лучами вытканного оранжевого солнца.

Подобный ковер был и у моей бабушки, только изображены на нём были утки и летнее озеро в лесу. Но такой яркой реалистичности в моих воспоминаниях не осталось.

— Добро пожаловать в прошлое, — хмыкнула про себя, отмечая, что время в доме точно застыло на пару десятков лет. Даже нетронутый пылью комод с круглыми ручками, радиоприемник времен моих родителей, выбеленные белоснежной известью стены и полный подоконник пышной герани за занавеской — всё это идеально вписывалось в картинки из моего детства.

— Вот, — в комнату зашла старушка со стопкой свежего белья, — оставлю на кровати, чтобы застелить. Не переживай, никто тебя здесь не потревожит. Отдыхай! Умывальник на кухне, туалет во дворе, налево. Не заплутаешь?

— Думаю, что справлюсь, — сначала я растерялась, а затем неуверенно кивнула, вспоминая летние выходные на даче, — не стоит переживать. А что насчет...

Но женщина не дала мне договорить, перебив:

— Как завтра утром проснемся, так проблему твою и разберем. От самого основания открутим и узелки развяжем так, что дорожка сложится. Но вот к ночи к силам обращаться не советую! Беде быть, если правила не соблюдать.

Она развернулась и поспешила удалиться, прикрыв за собой дверь в коридор и оставив меня наедине с собой.

Необычный говор, странные присказки и поговорки настораживали, но опасности я не ощущала. Видимо, род деятельности накладывал отпечаток на поведение женщины. Да и правил, по которым живут местные, я действительно не знала, а значит — придется делать, как велят. Раз в такую глухомань забралась, то необходимо соответствовать.

Разобрала постель и застелила ее пахнущим свежими травами бельем, укладываясь спать. Ткань неожиданно оказалась настолько мягкой, что я с наслаждением потянулась, устраиваясь поудобнее, и завернулась в одеяло по самые глаза. Утро, действительно, мудренее вечера. Даже бабушка так говорила. Не успела даже додумать последнюю мысль до конца, как погрузилась в глубокий сон.

Глава 3. Гроза

Ночью началась гроза. Свирепая, каких я давно не видела. Порывистый ветер трепал оконные ставни и стигбал растущую перед домом рябину так, что казалось, ещё немного — и она не выдержит напора, сломавшись. Бедное деревце уже лишилось части веток, и я боялась, как бы его не выдернуло с корнями.

Раскаты грома, следующие один за другим, эхом разносились по комнате, и я окончательно проснулась. Вроде и поспала всего ничего, но чувствовала себя на удивление отдохнувшей. Чудеса, да и только.

Через щели в деревянных окнах пахнуло озоном. Едва ли я помнила, как пахнет свежий деревенский воздух после грозы, но аромат показался на удивление знакомым, даже родным. Он разительно отличался от того, что витал во время дождя в пыльном городе — приносил больше свежести и мелких вкраплений разнообразных запахов. С легкостью можно было различить и примесь луговых трав, и запах хвои, и даже... соленое море.

Море? Откуда здесь море?!

Я даже глаза пошире распахнула, наблюдая за очередной ветвистой молнией, прочертившей чёрное небо за окном, и замерла в ожидании обязательно последующего за ней раската грома. Он не заставил себя ждать, гулким эхом разносясь по комнате.

Вообще, гроз я никогда не боялась. Наоборот, они дарили мне ни с чем не сравнимое ощущение безопасности: когда за окном гуляет стихия, а ты наблюдаешь за ней из теплого дома, попивая чай из кружки. Расслабленно и умиротворенно.

Но сегодня всё было иначе. Дождь выбивал особенный ритм, который заставлял трепетать неизведанные струны моей души. От макушки и до кончиков пальцев по телу прокатывались волны мелкой дрожи, вторя такту разгулявшейся стихии. Даже не знаю, было ли это похоже на страх. Нет, скорее на стремление стать с ливнем одним целым, присоединиться к величии природы.

Капли дождя барабанили по крыше, словно исполняя невиданную песню, в которой мне слышалось приглашение. Меня звали.

Осознание было настолько резким, что я даже села на кровати, тяжело задышав. Сердце прыгало в груди, как сумасшедшее, а воздуха перестало хватать. Комната давила духотой. Резко стали ненавистны тесные стены, крохотные окна и стёкла, которые отделяли сейчас меня от грозы.

Быстро, даже не успев опомниться, опустила босые ступни на жёсткую половичку и побежала к окну, распахивая створки. Тут же в помещение ворвались порывы ветра, едва не сбившие меня с ног и принесшие с собой крупные капли дождя.

Ветер рвал и метал, раскидывая по полу растущие на подоконнике кусты герани. Дождевой воды становилось всё больше. Она уже насквозь промочила длинную футболку, что я использовала вместо ночной сорочки, и тонкая ткань намертво прилипла к телу. Вот только холода не ощущалось, наоборот, капли были тёплыми и... солеными на вкус.

Удивленно облизала губы. Нет, этого точно не может быть. Дождевая вода всегда пресная — это законы физики, которые невозможно нарушить. Невозможно!

Если витавший в воздухе запах моря я ещё могла списать на разгулявшуюся фантазию, то соленый привкус на губах был более чем реалистичным и невероятным одновременно.

Словно усмехаясь в ответ на мои мысли, капли закружили вокруг плотнее. От мелкой взвеси в воздухе стало трудно дышать, и я безуспешно попыталась закрыться от неё руками. Дождь больше не радовал.

С меня ручьем текла вода, и я решила прекратить творящееся безумие, потянувшись к раме, чтобы захлопнуть распахнутое окно.

В тот же момент очередной росчерк молнии осветил лес, раскинувшийся за домом, и я поражённо замерла, не в силах сделать больше ни шага.

Вдали, за соснами, там, где заканчивалась граница растущих буйной зеленью деревьев, разбушевался самый настоящий шторм.

Глава 4. Шторм

Денмир

Море этой ночью разбушевало не на шутку. Непогода была настолько сильной, что даже водные маги не могли усмирить яростные волны. Тёмная вода поднималась и опускалась с ревущим грохотом, словно сами боги были против нашего путешествия к границе.

— Капитан! — старина Сэм выглядел изможденным. — Еще немного, и маги упадут без сил. Прикажете доставать кристаллы?

— Один, — скрипнул я зубами, — выделяю под твой личный контроль. Да смотри, чтобы водники выдержали!

Тратить даже один накопитель из малинового кварцита на элементарный шторм было настоящим расточительством, граничащим с абсурдом. Количества заключенной в нем энергии хватило бы для поднятия из руин огромного города, а цена позволила бы жить в достатке купцу средней руки до конца своих дней.

— Принято к исполнению, капитан.

Сэм вытянулся по струнке и поспешил в мою каюту, где вдали от чужих глаз хранились неприметные с виду камушки. Хоть кварцит и назывался розовым, когда его наполняли магией, камень серел и в прямом смысле слова покрывался сетью мелкой блеклой паутины. Особая структура драгоценного минерала не давала энергии вытекать обратно без приказа. Именно за это камень и ценили, но добывался он исключительно в соседнем мире и не без помощи проводников.

— Крен на левый борт!

Матросы забегали, занимая свои места. Многие из них выглядели бледными, даже с небольшим зеленоватым отливом. Люди в Вильгарде привыкли путешествовать в комфорте. Водные маги, которыми было укомплектовано каждое морское судно, всегда блестяще справлялись со своей задачей — смягчать качку для пассажиров и присмирять буйные волны. И тем более странным был сегодняшний выход стихии из-под контроля. Мои маги — одни из лучших. Иных я просто не беру на службу.

— Четверть кристалла открыто, капитан, — отрапортовал Сэм, возвращаясь. — Думаю, что теперь клирки справятся.

И правда, буквально через несколько минут нас перестало яростно раскачивать из стороны в сторону. Волны успокоились и опали, обходя судно стороной.

— К утру будем на месте, — я коротко кивнул, сверяясь с магической картой. — А если кварцита хватит, то, вероятно, и того раньше.

— Денмир, ты уверен, что оно того стоит? Сама стихия нам противостоит. Я бы всерьез задумался. Иногда боги подают обычным смертным знаки и необходимо просто научиться их читать.

Мужчина с силой сдвинул в кулаке накопитель, и камень порозовел еще на треть. Покрывающая его паутина постепенно истончалась, и магия вырывалась на свободу, где сразу подхватывалась заклинаниями умелого экипажа.

— Свадьба уже через несколько месяцев, — я яростно поджал губы, вспоминая неприятный казус. — Король Лангарда ждать не будет. Это очень выгодный союз: они получают выход к морю, а я — доступ к подножью Ланга.

— А что, если мы не успеем? Об этом ты подумал?!

Подумал. Вот только озвучивать выводы не спешил даже Сэму, который воспитывал меня с детства и практически заменил отца. Будет война. Сосед слишком суров, чтобы простить нанесенное оскорбление. Северяне чтут строгие нравы, и неслыханная наглость — просить

руки принцессы, будучи связанным родовыми договоренностями с другой. Знать бы еще, с кем!

Я в очередной раз скрипнул зубами. Сложно забыть унижение, которое я перенес, когда служители храма с удивлением констатировали, что брак невозможен. Необходимо разорвать уже имеющуюся связь, прежде чем сплести новую. Договор на крови. Еще бы знать, кто из родных так постарался, ведь никого из них уже давно не было в живых.

— Агата сказала, что я найду ответы на свои вопросы только тогда, когда сумею разыскать проводника между мирами. Он приоткроет завесу тайны и поможет найти ту, что присуждена мне по воле предков.

— Ты настолько доверяешь своей провидице, что, порой, теряешь рассудок, — покачал головой Сэм. — Её расклады на магическом таро слишком расплывчаты. Нет ни направления, ни сроков. Мы идем на удачу, полагая, что первый попавшийся проводник окажется тем, кто нам нужен. Это недостойно правителя! Ты подвергаешь опасности всю империю, а не только себя.

— Агата никогда меня не подводила!

Старик только глубоко вздохнул. Кому как ни ему было знать, что упрямства мне не занимать. Фамильная черта характера — идти к цели напролом, не смотря на препятствия и цену, которую необходимо будет заплатить.

— Маги полностью взяли шторм под контроль, — доложил первый помощник, — набираем ход. Держитесь, капитан.

Я крепче ухватился за деревянные перила и повернулся к утихающей стихии. Морской ветер ударил в лицо и принес с собой запах хвойного леса. Удивительно, ведь до суши еще половина суток пути. Откуда здесь взяться аромату величественных сосновых деревьев, разделявших границы миров.

Очередная вспышка молнии едва меня не ослепила. Прежде чем моргнуть, мне показалось, что среди волн я разглядел хрупкую женскую фигуру. Её мокрая сорочка прильнула к телу настолько тесно, что с легкостью можно было распознать очертания стройной фигуры, будоражащей фантазию. Русые волосы, закрученные в мелкие пружинки, разметались вокруг лица, придавая девушке сходство с водными нимфами, а в больших синих глазах отражалось бушующее море — величественное и непокорное.

Удивлённо тряхнул головой, прогоняя видение, и пристально взгляделся в морскую синеву. Определённо, померещилось. Обычные волны, ничего более. Откуда здесь взяться морене? В том, что привиделась именно повелительница морской стихии, он не сомневался. Их выдавали глаза, в которых плескалась своенравная магия — могущественная, подвластная лишь им одним и оттого пугающая лишь сильнее.

Однако последняя из морен погибла ещё в прошлом столетии, когда на них объявили негласную охоту.

Каждому правителю хотелось превзойти соседа, а что могло дать больше могущества, чем покорённая морская стихия, ластящаяся к рукам? Но охотники не учли одного: повелительницы служили только себе и предпочитали пожизненному рабству смерть в бою.

Теперь же нам приходилось содержать целую армию клирков в тщетных попытках вернуть утраченный контроль над морем. А морены канули в лету, так и не сдавшись.

Глава 5. Долги, которые нужно отдавать

Открыла глаза и, тяжело дыша, рывком села на кровати. Возникло ощущение, будто я только что вырвалась из объятий кружащего водоворота и наконец смогла вдохнуть полной грудью.

В комнате пахло свежей выпечкой и травами. Настоящее деревенское утро, вдали от шумной цивилизации. Именно такое, каким я запомнила его по немногочисленным картинкам из детства.

С силой потеряла ладонями лицо, приходя в себя, и бегло оглядела комнату. Герань по-прежнему мирно красовалась на подоконнике, а створки окна, выходявшего в лес, были плотно закрыты. Даже рябина за окном была совершенно цела и невредима. И уж тем более никакого моря за окном не было — лишь самый обыкновенный бор, каких в стране тысячи. Плотные сосны теснились друг к другу, отбрасывая густую тень, под сенью которой росли мелколосье и кустарники.

Знакомая картина, полностью соответствовавшая моим представлениям о местной природе. Похоже, дорога утомила меня настолько, что приснился кошмар.

— Проснулась? — в комнату заглянула женщина, приютившая меня на ночь. — Идём завтракать!

— Вы не слышали, какая сильная гроза была ночью? — решила развеять для себя последние сомнения. — Часто у вас здесь такое бывает?

Женщина удивлённо округлила глаза и хлопнула себя по пышным бёдрам, прикрытым цветастым фартуком. Сегодня она выглядела настолько свежо и ухоженно, что я бы дала ей не больше пятидесяти. И уж точно язык не повернулся бы назвать её бабушкой.

— Какая гроза, милая? У нас их лет двадцать уж не было. Места здесь такие — тучи над нами почти не собираются.

В глубине души я облегчённо выдохнула. Снова ничего такого, что выходило бы за рамки нормальной жизни, просто невероятно реалистичный сон.

— Простите, — я неожиданно потупилась, и щёки загорелись румянцем, — я даже не знаю, как к вам обращаться. К стыду, вчера забыла спросить.

— Ядвига. Зови меня Ядвига, — она мягко улыбнулась и, клянусь, едва заметно подмигнула.

Ну не могло же мне это почудиться, ей-богу?!

Тщательно выстроенная картина самой обычной и неприметной реальности снова начала трещать по швам. В голове один за другим всплывали образы из старых русских сказок: избушка на курьих ножках, баня, в которой сначала нужно выпарить путника, покормить, напоить, а потом... зажарить в печи и съесть.

— То есть как... Я-яга? — я даже икнула от неожиданности.

— Я предпочитаю Ядвига, — она хмыкнула. — Звучит приятнее.

— А вы не...

Я хотела спросить, не колдунья ли она, но вовремя замялась, вспомнив обстоятельства моего появления здесь. И, собственно, мою цель.

Женщина звонко рассмеялась, заметив моё замешательство:

— Конечно, нет! Хотя я и владею кое-какой силой, но никогда не использую её во вред. В конце концов, ты ведь именно за этим ко мне и пришла? Верно?

И она снова, заговорщически, подмигнула. Точно подмигнула!

Да, я определённо знала, куда и зачем ехала. Просто, как самый закоренелый житель мегаполиса с несколькими высшими образованиями, до последнего не верила в мистику. Странности, происходившие со мной, я готова была объяснять чем угодно, однако чем больше

времени проходило, тем труднее было придумать адекватное объяснение для рушащейся, словно карточный домик, жизни.

— Верно. Мне вас порекомендовали как очень хорошего специалиста.

— Специалиста, кхм... — Ядвига усмехнулась. — Надо же, слово-то какое громкое придумали, не-нашенское. Эх, молодость-горячность. Сама когда-то такой была, пока к работе в Чистых Прудах не приступила.

— А вы здесь, что, по работе?

Картинка у меня в голове всё не складывалась.

До последнего момента я полагала, что женщина просто живёт здесь, занимается подсобным хозяйством и радуется спокойной старости. Иногда, конечно, к ней заглядывают страждущие со щепетильными вопросами, как я, но не слишком часто.

— Конечно! Не сама же я в такую глушь себя забросила. Ни друзей, ни родных у меня тут нет.

— Но ведь вы всегда можете уехать, — резонно возразила я, — найти себе новое, более благоустроенное место. Так, чтобы по душе жилось.

— Говорю же, молодая ты ещё, горячая. Не человек место выбирает, а место человека. Это место выбрало меня. Пришлось остаться.

Совсем запутавшись, я смотрела на неё непонимающим взглядом. О чём толковала Ядвига, мне было непонятно, более того, с каждой фразой всё сильнее казалось, что я упускаю важные детали. Именно это мешало пазлу сложиться воедино.

— Ничего, скоро станет понятнее, — не знаю почему, но из уст милой женщины это прозвучало как угроза. — Думаю, не сегодня-завтра проводник окончательно вплетётся в паутину места, — она внимательно посмотрела за окно, именно туда, где ночью мне чудилось бушующее море. — Ну что ж, давай приступим? Проходи на кухню, оладушки давно ждут. Как и твоё любимое малиновое варенье.

Я хотела спросить, откуда ей известно про варенье, но головокружительный аромат выпечки, ворвавшийся в комнату, мгновенно наполнил рот слюной, заставив забыть обо всём на свете. Неожиданно я вспомнила, что не было ужина. Как, впрочем, и обеда. В дороге у меня обычно кусок в горло не лез, а вот после — всегда. Зверский аппетит просыпался неожиданно и заставлял врасплох, заставляя поглощать еду в невероятных количествах. Хорошо хоть, на фигуре это никак не сказывалось. Знакомые вечно удивлялись, не скрывая зависти.

— Ммм, это потрясающе! — оладьи оказались божественными, и я тут же потянулась за добавкой.

Пышное тесто таяло во рту, а малиновое варенье заставляло жмуриться от наслаждения с каждым новым куском. Так готовила моя бабушка. Точь-в-точь. Пока была жива.

Её не стало пару лет назад — банальный инсульт. И вот именно после похорон вокруг меня и начали происходить странные вещи.

— Значит, думаешь, это тебя дух покойной преследует? — вклинилась в мои размышления Ядвига. — Со зла иль уберечь хочет?

— Не знаю, — я пожала плечами, — но привычная жизнь рушится. Что бы я ни начинала, меня преследуют неудачи. Они идут чередой, пока все начинания не превращаются в руины! Работа буквально валится из рук. Прибавьте сюда постоянные ссоры с близкими, неожиданные болезни, падения, потерю жилья и сбережений — и получите точное описание моей жизни за последние пару лет. Надоело до чёртиков.

В порыве чувств я едва не хлопнула ладонью по столу, но вовремя остановилась, вспомнив, что нахожусь в гостях.

— Ну-ка, ну-ка, сейчас посмотрим, — женщина достала из кухонного стола потрёпанную колоду карт. — Мария, значит, говоришь, тебя зовут?

— Да, — уверенно кивнула я и покосилась на незнакомые изображения.

Колода с первого взгляда выглядела привычно, пока не начнешь приглядываться. И тут же оказывается, что король был больше похож на огромного дракона, туз изображал мага средних лет, потрясающего посохом, а дама напоминала прекрасную полуобнажённую нимфу с огромными янтарными глазами.

— Нет, — огорошила меня Яга, всматриваясь в расклад, — не Мария.

— В каком смысле?

— Имя тебе не подходит. Карты говорят, что при рождении другое было дано.

Я широко распахнула глаза и перевела взгляд на женщину.

— Может, вы не так посмотрели? Я точно знаю, что родители называли меня Машей. Вот даже документ есть.

Я потянулась к сумочке, где лежал паспорт.

«Нет, надо же, какая чушь! — пронеслось в голове. — Ехать почти пятьсот километров, чтобы меня убеждали в том, что моё имя ненастоящее. Двадцать с лишним лет с ним прожила и ни разу не жаловалась».

— Убери свои бумажки, — поморщилась Ядвига. — Сила никогда меня не обманывает. Ошибиться невозможно. Если не веришь, что ж, помочь тебе я не смогу.

— А что ещё говорят карты? Они показывают мою бабушку?

Я надеялась, что смогла скрыть недовольство в голосе. Не хотелось обижать гостеприимную женщину, но пока ничего из сказанного ею даже отдалённо не напоминало правду.

— Нет, — тем временем продолжила она, — и дух покойной за тобой не ходит. Она упокоена. Присматривает, но не вмешивается.

— В чём же тогда причина? Скоро от моей жизни ничего не останется. Будет только один выход — пойти и утопиться в канаве. И то, вряд ли даже это с первого раза получится.

Я начинала злиться. Опять выходила ерунда, а не предсказание. Такого и соседка моя наворожить может, большого ума не нужно.

— Погоди, не кипятись. Ох, горячая кровь, — Ядвига покачала головой, — пары минут потерпеть не можешь. Долг на тебе, деточка. Не отданный. Не пойму, карты странное говорят: словно жизнь тебе не принадлежит, вот и управлять ей ты не можешь.

— Когда и кому, интересно, я успела так сильно задолжать, что жизнью нужно расплачиваться? Не припомню ничего подобного!

Яга покрутила карты на столе. Посмотрела на них с одной стороны, с другой. После чего нахмурилась и уверенно выдала:

— Не ты задолжала. Ты и есть этот долг.

— В каком смысле?

Я опешила. Это уже не лезло ни в какие ворота. Рабовладельческий строй вроде давно отменили. И долги, которые отдают живыми людьми, — тоже. Мы живём в двадцать первом веке, а не в дремучем средневековье.

— Всё на колечко завязано, — тем временем, словно невзначай, обронила Ядвига и выразительно посмотрела на мои руки. — По нему тебя и найдут. Ты — чужая собственность. А долги, особенно данные перед богами, положено отдавать вовремя. Не снимается, ведь так? Я права?

Я поспешно спрятала ладони под стол, подальше от её взгляда, но тихо призналась:

— Правы...

— И силы твои оно пьёт. Как плату за отсрочку. Оттого и удача от тебя отвернулась, деточка. Пройдёт ещё несколько лет — и оно тебя полностью опустошит. Останется одна оболочка. Бледная тень без стремлений и желаний, которой вскоре придётся уйти за грань.

По спине побежал холодок.

Про украшение и связанные с ним странности я женщине не говорила ни слова. Может, мне и хотелось бы рассказать, но слова отчего-то давались с таким трудом, словно язык при-

лип к небу, мгновенно переставая слушаться. Более того, кольцо так и оставалось перевернутым камнем внутрь, отчего снаружи выглядело простым металлическим ободком. Заподозрить неладное было невозможно.

— И зачем ты его без спросу из бабушкиного наследства взяла? Неужели она тебя не предупреждала? А?! — грозно нахмурилась Яга.

Вторая волна холода оказалась сильнее первой. Даже волосы на руках встали дыбом.

Конечно, предупреждала.

И про то, что подходить к её шкатулкам нельзя ближе, чем на пушечный выстрел, и про то, что все её вещи нужно сжечь сразу после похорон. И даже про фотографии, которые она терпеть не могла делать при жизни и категорически запретила помещать в семейные альбомы даже после смерти. Ничего не хранить, не забирать, не передаривать. Девиз всей её жизни, вбиваемый в мою голову с раннего детства.

— Я просто хотела оставить что-то на память, — едва слышно вымолвила я. — Своего рода талисман на удачу.

— Или на погибель, — хмыкнула Ядвига и принялась собирать карты в колоду. — Если сказано было не трогать, значит, были на то причины! Ух, молодежь нынче бестолковая пошла. Сплошное наказание.

Она осуждающе покачала головой и привычным движением убрала колоду в стол.

— Что же мне теперь делать? — мой голос окончательно осип, то ли от страха, то ли от внезапно пересохшего горла.

— Я могу кольцо снять. Только долга это не отменит. Однако выйти на твой след станет сложнее. Авось, и проживёшь спокойно до конца дней, и неудачи отступят. Вот только...

Ядвига замолчала, окинув меня изучающим взглядом. Было видно, что она решает, стоит ли договаривать.

— Что? — не выдержала я.

— Боюсь, цена тебе не понравится, — она еще раз окинула меня взглядом и, наконец, продолжила. — Детей у тебя никогда не будет, и род полностью угаснет. Сейчас привязка сделана на кольцо, но сила долга уже настолько высока, что следующему поколению достаточно будет просто твоей крови. Магия, вытягивающая жизнь, тут же их уничтожит, едва они успеют сделать первый вдох после рождения.

В ушах зашумело. Кровь бросилась в лицо и застучала в висках тяжёлым маятником.

— Что вы сказали?! — вырвалось у меня, хотя я отлично слышала её с первого раза.

Казалось, вот сейчас Ядвига мимолетно улыбнется, хлопнет меня по плечу и сообщит, что просто пошутила. Но время шло, а лицо сидящей напротив женщины оставалось таким же напряженным.

— У тебя никогда не сможет быть детей, если не отдашь долг тому, кому обещано, — спокойно повторила она.

Надежды на то, что в прошлый раз мне послышалось, мгновенно рассыпались. В горле встал противный ком, тот самый, который является предвестником скорых слез. Да и в глазах противно защипало.

— Как же так? Почему?!

Последние несколько лет я специально откладывала создание семьи ради карьеры. Мечтала поскорее встать на ноги и создать неплохой капитал, чтобы вслед за этим уже успешно выйти замуж и нарожать как минимум парочку ребятишек. С такими же непокорными кудряшками, как у меня. И такими же большими синими глазами.

— Прости, здесь я тебе не помощница, — пожала плечами Яга. — Ты сама беду на себя надела вместе с чужим колечком. Тебе теперь и цену платить. Либо с долгами, к тебе перешедшим, разбираться. Что выбираешь?

— А если кольцо не снимать, то сколько мне осталось? — мой голос осип настолько, что стал похож на шёпот.

Душа бунтовала. Один исход казался страшнее другого. Быть отданной в рабство в уплату непонятного долга или навсегда отказаться от возможности услышать в своём доме детский смех.

— Когда ты достигла совершеннолетия? — серьёзно спросила женщина, со вздохом вновь доставая карты.

— Почти десять лет назад...

Она быстро разложила на столе новую комбинацию.

— Ох, и натворила же ты дел, бедовая! — покачала головой Ядвига. — Представляешь, сколько лет долг силы набирал, прежде чем на твой палец попал? Силы мои говорят, что у тебя время есть только до конца этого года.

Воздух в комнате вдруг стал густым и тяжёлым.

— Там мой день рождения, — прошептала я. — Последний день декабря.

Я всегда любила эту дату — рубеж между старым и новым, время надежд и огней в окнах. Теперь же она висела надо мной словно приговор, отмеряя последние месяцы, недели, дни.

— К тому времени от твоей жизненной силы ничего не останется. Она станет фитилём, что догорит до конца. Проклятие развернётся в полную мощь и заберёт твою жизнь. У тебя есть пара минут на подумать, а дальше я уже тебе не помощница буду.

Она замолчала, ожидая от меня окончательного решения.

А я... я не знала как поступить.

— Снимайте!

Я не кивнула, а буквально выплюнула это решение, чувствуя, как по щекам текут предательские слёзы. Я старалась не давать себе права плакать, но тело отказывалось меня слушаться. На мои плечи обрушилась невыносимая тяжесть, словно на них положили гранитную плиту из несбыточных надежд и я сгорбилась, позволив этому грузу придавить меня.

Я умела принимать решения быстро, особенно если от этого зависела моя жизнь.

Да, за окном сейчас буйствовало лето, смеялись дети, щебетали птицы. Но для меня время вдруг рвануло вперед. Я уже мысленно видела, как с ветер обжигает лицо колючим снегом, как гирлянды на улицах зажигаются чужими праздниками.

А моё личное время истекает.

Медлить было нельзя. На кону стояла целая жизнь, может, и не самая счастливая, но моя.

Что касается детей... Я никогда не услышу их смех, не прижму к груди тёплую мягкую щёчку. «Пусть не будет своих, — попыталась я утешить себя, — но можно же усыновить...» Однако, это была слабая, кривая уловка для самой себя, и я это понимала.

— Снимайте его, — повторила я твёрже. — Главное избавиться от этого проклятого украшения. Всё остальное... всё остальное я как-нибудь переживу.

— Будет больно.

— Что? Неужели ещё больнее, чем сейчас? — съехидничала я. — Я думала, расплата за мои ошибки уже озвучена. Неужели меня ждут новые сюрпризы?

— О! Ты даже не представляешь, какие, — Ядвига мрачно улыбнулась и зажгла лежащую на столе свечу.

В тот же момент комната погрузилась в крошечную тьму. Только мгновение назад в глаза било яркое утреннее солнце, а теперь я уже не могла разглядеть даже очертаний окружавших меня предметов. Стало страшно.

Что, черт возьми, происходит?!

От окна ощутимо повеяло холодом, и я зябко поёжилась, вжимаясь в высокую спинку деревянного стула, на котором сидела.

— Я-Ядвига? — нерешительно позвала я и вздрогнула от звука собственного голоса.

Кухня ответила тишиной. Ни вдоха, ни шороха, ни движения воздуха. Лишь непроглядная тьма, касающаяся кожи ледяным дыханием. Словно сами сумерки, пахнущие ночной травой, вырвались из заточения и явились в мир не в своё время.

Я осторожно поднялась и на ощупь двинулась к выходу. Этот дом, еще недавно пахший выпечкой и уютом, превратился в каменный мешок. Стены, казалось, сжимались, давили на меня ледяным затхлым воздухом, и животный ужас заставлял кровь стыть в жилах, а сердце биться чаще.

Я уже почти преодолела комнату, но едва моя рука коснулась дверной ручки, тут же налетевший из ниоткуда ветер толкнул меня обратно, заставив потерять равновесие.

Падение было неожиданным и от того болезненным. Тело не успело сгруппироваться, и теперь локти саднили, а левое колено неприятно ломило.

Вот только подняться мне не позволили. Прямо за спиной, в самой гуще тьмы, послышалось бормотание. Оно было похоже на скрежет камней под землей, на шепот сухих листьев. Слов я не понимала, но их ритм впивался в сознание — то прерывистый, словно предсмертный хрип, то нарастающий, как барабанная дробь. Я замерла и против воли начала вслушиваться. Этот мотив глушил воспоминания, вымывал из меня «я», обещая в обмен забвение и странную, жуткую свободу.

— А-а-а!

Новый виток боли, на этот раз в руке, заставил меня закричать. Пальцы обожгло кипятком и по коже стремительно начали растекаться волны жара, сменяющиеся ледяным холодом. Каждая волна четко следовала за ритмом бормотания. Оно с каждым витком становилось громче, а боль в руке от этого сильнее.

Закричала вновь, не в силах сдерживаться, и тут бормочащий голос замер, взяв высокую ноту и затих. В это мгновение я скорее почувствовала, чем услышала, как по полу покатился маленький металлический ободок кольца.

Бабушкино украшение покинуло палец, а вместе с тем, закончилась и терзавшая руку боль.

Глава 6. Принимай должность

Ещё несколько минут я лежала на холодном полу, зажмурившись и судорожно пытаюсь отдышаться. Трудно было поверить, что пытка окончена и боль мне больше не угрожает.

До последнего казалось, что обжигающая волна вот-вот накатит снова, и тело замирало в ожидании. Однако ничего не происходило. Тишина вокруг стояла настолько оглушительная, что я решилась приоткрыть один глаз — и тут же зажмурилась снова: утреннее солнце за окном светило невыносимо ярко. На тёмном фоне закрытых век тут же заплясали разноцветные круги.

— Твою ж мать! — я от всей души выругалась.

Нет, такая подлость от пожилой и с виду дружелюбной женщины не вписывалась в картину моего мира. Радовало лишь, что злополучное колечко укатилось подальше от моей многострадальной руки, а значит, проклятие больше не висело над головой дамокловым мечом.

— Ядвига? — в этот раз уже раздраженно позвала я. — Надеюсь, что на этом ваши сюрпризы закончились? Благодарю за проделанную работу, но мне, пожалуй, пора домой.

Действительно, если память не изменяла мне, то последняя электричка отходила от станции Чистые Пруды сразу после обеда. Задерживаться еще на одну ночь в мои планы не входило и раньше, а уж после утренних «развлечений» и подавно.

— Скажите, сколько я вам должна, и я пойду, — добавила я, потирая глаза и с кряхтением поднимаясь с пола. — Не хотелось бы больше никого утруждать.

Зрение постепенно возвращалось. Комната обрела чёткие очертания: кухонный стол с недопитой чашкой чая, застывшие в сахарной пудре остатки оладушек, допотопный холодильник, чьё внезапное урчание в звенящей тишине заставило меня вздрогнуть, и массивная русская печь, беленая известью. Всё было на своих местах. Кроме одного.

Ядвиги в комнате не было.

— Ядвига? — позвала я громче, полагая, что женщина просто вышла. Но никто не отозвался.

Торопливо выскочила в коридор и поочередно заглянула в каждую из комнат. Всё было прибрано до стерильности: кровать аккуратно заправлена, на столике у окна стопка книг в потрёпанных переплётках, испещрённых таинственными рунами, на подоконнике буйство герани.

Дверца платяного шкафа в спальне была приоткрыта, и внутри виднелись аккуратные стопки одежды на все случаи жизни. Не могла же она просто так исчезнуть, не взяв с собой ни одной вещи?

— Ядвига? — крикнула, выходя уже во двор. Опять та же оглушительная тишина.

Женщина буквально испарилась, не уведомив предварительно об этом меня. Так и до чертиков напугать можно. Хотя, чего я ожидала? После насыщенного начала дня, таинственное исчезновение хозяйки дома казалось сущей мелочью, не стоящей внимания.

— Всё, хватит с меня, — пробормотала я себе под нос, возвращаясь в комнату.

Рюкзак с вещами сиротливо стоял у кровати. Я принялась скидывать в него спальные принадлежности. Хватило и пяти минут, как я была полностью готова и торопливо покидала неприятное место. Благо, с детства не была приучена таскать за собой гигантские чемоданы с одеждой и косметикой. Такая привычка значительно облегчала передвижение, особенно по незнакомым местам.

У ворот я в последний раз обернулась. В груди кольнула тревога. Нехорошо оставлять дом открытым — вдруг кто чужой забредёт, вещи растащат. Да и уходить, не попрощавшись, было... не по-человечески, что ли.

Я сурово поджала губы и вытряхнула тяжёлые мысли из головы. В конце концов, с какой стати меня должно волновать, куда подевалась взбалмошная хозяйка? Как ушла, так и вернётся. А вот моя электричка ждать не будет.

Я бодрым шагом зашагала по проселочной дороге к станции. В наушниках вновь зазвучал любимый русский рок, и ноги сами понесли меня прочь от этого странного и пугающего места. «Доберусь до дома, позвоню Ядвиге, выясню, всё ли в порядке», — мысленно составила я план. Заодно и спрошу, чем могу отблагодарить её за помощь.

Наконец-то окончательно успокоив себя, я облегчённо улыбнулась. И в тот же миг словно врезалась лбом в невидимую преграду. Дорога меня не пропускала.

— Что за черт?!

Я удивлённо потерла лоб и сделала ещё одну попытку.

Тщетно. Результат был тот же.

Никаких видимых препятствий на дороге не было. Воздух, кристально чистый и прозрачный, свободно колыхался над обочиной. Вслед за ним, гонимые ветром, беспрепятственно неслись пыль и мелкий сор, поднятые с грунтовок.

А вот я не могла сделать ни шага, упираясь в незримый, но абсолютно монолитный барьер!

Вытянула перед собой руки и сдвинулась чуть вбок, но это не помогло — непроницаемая для меня преграда продолжилась и там. Более того, обойти её оказалось невозможно, какими бы способами я не передвигалась. Разве что летать не пробовала, да под землей копать.

— Ерунда какая-то... — удивленно пробормотала я, отступая и решая идти в обход. Благо, что вдоль кромки леса имелась еще одна тропинка.

И здесь я меня ждал тот же сценарий: несколько десятков метров и неведомая сила преграждала путь, мягко, но неумолимо выталкивая назад.

Окончательно вымотавшись и исходив небольшой посёлок вдоль и поперёк, я вернулась к дому номер тринадцать по Болдинской улице. Он сиротливо скрипел потертыми ставнями, навевая на меня смертную тоску.

Я с вызовом посмотрела на распахнутую калитку, возвращаясь обратно в дом.

— Ну, Ядвига, погоди!

Уверенность в том, что виной всем моим злоключениям была пожилая хозяйка этого дома, крепла с каждой минутой. Иных кандидатов, обладающих неординарными способностями, поблизости я не наблюдала. Да и объяснить свой неудачный побег я могла лишь магической аномалией, порчей, проклятием... называйте как угодно.

Хозяйка еще не вернулась, и я решила подождать ее на той самой злополучной кухне. Взгляд тут же наткнулся на валяющееся в дальнем углу комнаты бабушкино колечко. Поморщилась от неприятных воспоминаний, но поднимать не спешила. Во избежание, так сказать.

Настенные часы громко тикали, отсчитывая минуты до отходящей электрички, а я нервно ерзала, боясь опоздать. Стул неожиданно показался слишком жестким, а его спинка неприятно впивалась в лопатки. В очередной раз раздраженно посмотрела на время, и тут глаз неожиданно зацепился за прикрепленную к холодильнику записку.

Серый листок с рваными краями был припилен по углам дешёвыми рекламными магнитами. Мелкий, убористый почерк покрывал его от края до края. Я не удержалась и подошла ближе, чтобы разобрать это таинственное послание.

«Маша, возможно, ты сейчас не понимаешь, что происходит».

Так... Мне уже не понравилось начало. Пахло очередными неприятными сюрпризами. А мне, как бы и прошлых уже хватило с лихвой.

«Начну с хорошего. Ты можешь жить спокойно и наслаждаться каждым днём — кольцо больше не крадёт твоё время. Но советую держать его при себе, хоть и не надевать. Вы срослись

слишком сильно, чтобы связь можно было разорвать окончательно. В нём теперь есть часть тебя самой.

А теперь о плохом. Думаю, ты уже поняла, что уехать не удастся. И меня не найдёшь. Два проводника не могут находиться в одном месте прорыва одновременно. Так что эту должность теперь занимаешь ты. Место тебя признало мгновенно, я тут ни при чём. Да и стара я уже стала, чтобы вечно по лесам бегать, пора бы и на покой.

В доме чувствуй себя хозяйкой, я забрала только свои карты. Собственные ты со временем найдёшь сама. В спальне, в верхнем ящике комода, лежат книги, начни с них, прежде чем что-либо предпринимать в новой должности.

И не строй планы о том, как уехать — место тебя не отпустит, пока не придет новый проводник. Я ждала смену почти пятьдесят лет и возвращаться не собираюсь.

Ядвига.»

— Что за чушь? — пробормотала я, нахмуриваясь и переворачивая листок. — Какие ещё проводники? Какие прорывы?!

С обратной стороны, в самом низу, я заметила мелкую, почти незаметную приписку: «И да! Смотри не разбалуй лешего, а то покоя не даст».

— Да какие к лешему лешие?! — взорвалась я. — В конце концов!

— Как какие? — вдруг звонко ответили мне из открытого окна. — Самые обыкновенные! Точнее, правда, не какие, а какой.

В оконном проёме торчала лохматая голова с большими зелёными глазами. И всё бы ничего, но сама лохматость тоже была травяного оттенка, а глаз наблюдалось целых три. Третий сиротливо проглядывал из-под длинной чёлки.

— Мамочки... — испуганно всхлипнула я и рухнула в спасительный обморок.

Глава 7. Не балуй лешего

Меня отчаянно хлопали по щекам. Рука приводившего в чувство была настолько тяжелой, что я непроизвольно замычала, хватаясь за занывшие зубы. Словно деревом плашмя приложили.

Деревом. Леший.

Мгновенно села, резко распахивая глаза и молясь, чтобы увиденное оказалось лишь плодом больного воображения. Мало ли, напекло солнышком, пока по деревне гуляла. Или помутилось в глазах после потрясений прошедшего дня.

Вот только лохматое чудо никуда и не думало исчезать. Оно стояло рядом с занесенной для похлопывания ладонью и смотрело на меня испуганными глазами. Фантастическое существо явно не понимало, чего еще можно ожидать от столь впечатлительной особы.

— Фух, — наконец выдохнул леший, отступая, и затараторил. — Я уж думал, за живой водой бежать придется, а кикиморы меня ох как не любят. Русалки жалуются, а я ведь что?!

— Что? — непонимающе хлопнула я глазами.

Мысли никак не хотели собираться в кучку, и разговор клеился больше на автомате. Бессвязная нелепица какая-то: кикиморы, русалки, живая вода... и я, лежащая на полу в кухне, которая не так давно принадлежала местной Яге.

— Да в том-то и дело, что ничего! — воскликнул он, активно жестикулируя. — Кто же знал, что горечвет, брошенный в озеро, покрасит русалок в фиолетовый на целую неделю. Я ж просто пошутить хотел, без злого умысла. Скучно у них там, в болоте этом. Позеленели уже от однообразия, а тут такое представление для них забабахал. Жаль, никто не оценил!

Он глубоко вздохнул, а я еще раз непонимающе хлопнула глазами. Произнесенная с таким вдохновением речь звучала для меня тарабарщиной.

— Да ты не переживай, Яга, — продолжил тем временем леший. — Мы тут смирные. За лесом присматриваем, путников проверенными дорожками водим, местных не пугаем. А вот про прорывы сразу тебе докладывать будем. В таком нам не разобраться! Ни в жисть!

Он крутанулся на месте, закатывая глаза. Настроение лесного духа резко пошло вверх. Непонятно только, что послужило тому причиной. Или кто.

— Меня Маша зовут, — пискнула я, протестуя против «Яги», и, вспоминая записку, тут же добавила уже строже: — Мария Александровна.

— Александровна так Александровна, — пожал тот плечами. — Ты тут начальник. Как скажешь, так и будет. Когда проверять ворота пойдем? Надо бы их сегодня на предмет протечек просмотреть. Время подходит. Нельзя никак упускать, иначе штрафы придут, вовек не расплатимся.

Зеленые глаза подозрительно лукаво блестели. Все три. Чутье не просто предостерегало, а отчаянно вопило против того, чтобы соглашаться на внезапное предложение от лохматого лесного духа. Чему-чему, а интуиции я привыкла доверять. Редко когда она меня подводила.

— Шустрый больно, я посмотрю, — теперь прищурилась уже я. — Пока с документами передачи дел не разберусь, никуда уходить не собираюсь. Ишь, разогнался!

Леший мгновенно сник, но блеснуть глазами не перестал, явно готовя очередную подставу.

Голова разрывалась от количества свалившихся странностей. Мне, как человеку практически, происходящее казалось настоящим бредом. В психиатрической клинике и то, думаю, истории попроще рассказывают.

Однако многолетний опыт работы в качестве руководителя диктовал свои правила. Рефлексы включились мгновенно. Лишние эмоции были подавлены, и железной хваткой я уже отчаянно цеплялась за детали, которые могли помочь мне решить поставленную задачу.

На данный момент она была одна: выбраться из сельской дыры как можно скорее. Сбежать подальше от странных существ, пугающих должностей и мистических событий. Вернуться в нормальный, адекватный мир здорового человека.

И пусть Яга предупреждала о невозможности покинуть пост местного сторожа по собственному желанию, я верила, что мне удастся найти выход. Уверена, произошла ошибка. Ну какая из меня колдунья? Я же о магии ничего вразумительного не знаю.

— Что? Она уже наябедничать успела? — Леший выглядел обиженным. — Я ж ей ничего плохого не сделал. Так только, попугал чуток, может, но больше ни-ни. Хорошо себя вел.

— Не наябедничала, а ввела в курс дела, — серьезно поправила я, поднимаясь наконец с пола. — А как иначе дела передавать?

Записка от Ядвиги красноречиво предупреждала о последствиях, и если представить на минуту, что лохматое недоразумение действительно в моем подчинении, как и многочисленная нечисть, раскиданная по местным болотам, то терять лицо было нельзя. Не в первый день. Не тогда, когда мне кровь из носу необходимо выбраться.

Леший и так стал свидетелем позорного обморока, если меня еще и одурачить удастся — местные потеряют доверие. Чем подобное может грозить, даже боюсь предположить, но, справедливости ради стоит заметить, послушная нечисть под боком в разы лучше нечисти злой-вредной.

— Почем мне знать, как у вас тут всё устроено, — бесенок почесал в затылке. — Обычно новая Яга приходит, а я для нее развлечения устраиваю. Помогаю влиться в коллектив, так сказать, и прочувствовать атмосферу нашей лесной жизни. Старая же сбегает — ищи-свищи. Некоторые даже прощаться не успевают. А мы, между прочим, прикипаем к каждой всей душой. Неблагодарные.

Та-а-ак... Вдох-выдох. Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула через нос. Всё как учили на курсах по стресс-менеджменту, однако новость все же сумела меня в очередной раз выбить из едва найденной колеи.

Из сказанного лешим получалось, что пост местной хранильницы, или кого там еще, существует уже не один десяток лет, если не больше. Местные обитатели, судя по всему, новеньких недолюбливают и стремятся насолить. Оно и понятно: жизнь устоялась, а тут перемены словно снег на голову.

— Погоди, — запоздало спохватилась я. — Так сколько же тебе лет?

— Так сколько прорыв существует, столько и я здесь живу. Магия же не просто так между мирами перетекает, она их перестраивает. Вот и появляются возле границы разные существа. Ну и я в том числе, первым был. За мной уже водяной пришел, русалок притащил. Потом кикимора заявила со своим выводком лягушек, а там уже и полевой приклепал, кикимора его дерит. Тьфу! Со своими холодильными яблочками!

— Ты хотел сказать «молодильными»?

— Если бы! Бракованный он у нас, за что ни возьмется — всё через дурное место. Поэтому, если яблоками угощать будет, — не бери. Иначе инеем покроешься на пару недель точно. Не особо приятные ощущения, — он поморщился.

Я еще раз ошалело хлопнула глазами.

Та-а-ак.

Похоже, здесь важно подключать уже не только навыки стресс-менеджмента, но и управления разношерстным коллективом, который не сильно-то любит своего руководителя. Ну что ж, мне не привыкать — и не таких строили.

— Ну что ж, пошли давай тогда на этот твой обход. Будем разбираться по ходу дела, — мрачно кивнула я и, кряхтя, поднялась.

Нет, к неприятностям в своей жизни за последние пару лет я уже успела привыкнуть, а тут вроде и кольцо сняла, а в такую за... передрыгу попала — до сих пор не понимаю, как выбраться.

Кстати, о кольце. Обернулась и обнаружила его всё на том же месте в углу.

— Собраться надо бы мне, на улице подожди, — кивнула я лешему.

Тот покривился, но вышел. Я же спешно подняла кольцо, а затем, выдернув из спортивных брюк шнурок, повязала его на шею. Потом разберусь, где хранить, а пока ближе к телу — самое надежное место.

Пора принимать должность.

И искать, как спешно с нее сбежать.

Решив, что обход обходом, а без бумажки я не начальник, первым делом собралась поискать какие-нибудь документы. Леший остался переминаясь за порогом, я же, закатав рукава, направилась напрямиком в спальню прошлой хозяйки с решением обшарить Ягинины закрома. Теперь уже внимательно и более вдумчиво, на правах следующей владелицы.

Спальня была небольшой, как и в целом весь дом. Широкая кровать, заправленная вязаным покрывалом, стояла у самого входа, а стеллаж с книгами и письменный стол расположились у окна, подоконник которого украшали заросли домашних цветов. Их, я так понимаю, тоже на мое попечение сбросили, и даже совесть не дрогнула? Вообще понятия не имею, как за такой оранжереей ухаживать. Надо будет спросить инструкций у лешего, хотя с него станется подкинуть мне подлянку.

Хмыкнула про себя. Слишком уж быстро я начала привыкать к наличию в этом мире магических существ.

Комната выглядела совсем обычно, человечно, я бы сказала. Разве что среди имеющихся в доступе книг иногда попадалась совершенно незнакомая мне письменность. И, судя по изображениям, ее сопровождающим, это были какие-то яды для особенно изоциренных пыток или сто и один способ убить врага, ни разу не повторясь.

— Жуть какая, — пробормотала себе под нос, перелистывая очередную страницу, и убрала книгу на стеллаж. — Н-да... надеюсь, что жизнь моя до такого не докатится. По крайней мере, в ближайшее время.

Тут взгляд зацепился за аккуратный дубовый комод, стоящий между столом и кроватью. Слишком новый на фоне ретро-обстановки и стыдливо прикрытый вязаной кружевной салфеточкой. И правда ведь, в записке Ядвига велела начинать именно с верхних ящиков комода, но встреча с лешим выбила наставления из головы.

Комод встретил меня ароматом летних трав и моря. Среди пучков высушенных растений и склянок, заполненных растворами, лежали несколько тоненьких кожаных блокнотов и тяжелый фолиант в потертom переплете с воодушевляющей надписью «Учет доходов и расходов. Главная книга», который вызвал у меня нервный смехок.

— Ну конечно, как же еще назвать книгу о финансах в обители Яги.

Раскрыв ее на первой попавшейся странице, я тут же попыталась продраться через непривычную бухгалтерию и давно устаревшие выражения, чтобы понять, что вообще здесь происходит, и нахмурилась.

В графе «Приход» красовались жалкие крохи: «от благодарного путника — кузовок малины», «от водяного за починку плотины — пара сушеных карасей», «от путника иномирного за добычу кварцита — пять сребреников».

Зато графа «Расход» пестрела внушительными суммами, выведенными старательным писарским почерком, и пугающими словами «ШТРАФ». «За несвоевременный осмотр западных врат — пеня в казну Междумирья: триста златников». «За допущение прорыва на болотной топи — взыскание в пользу Кикиморской общины: пять сотен серебром». «За жалобу от

иномирного путника на грубое обращение — взыскание в пользу казны Межмирья: десяток жемчужин».

Чем дальше я листала пожелтевшие страницы, тем мрачнее становилась. Долги здесь копились последние лет сто и росли с годами подобно снежному кому. Последняя же запись, сделанная, судя по всему, уже перед самым бегством Яги, гласила: «Итоговая задолженность перед инстанциями в триста златников, пятнадцать сотен серебром, десяток жемчужин и один изумруд передана преемнице. Сроки выплаты штрафа — до конца текущего года».

— Вот же ж... Ядвига! — вырвалось у меня с чувством, и я добавила еще несколько слов покрепче, которые в приличном обществе не произносят. — Мало того что вляпала меня в должность, так еще и с хвостом долговым! А ведь такой приятной женщиной мне сперва показалась.

Настроение испортилось окончательно. Работка та еще и судя по количеству назначаемых штрафов, начальство сотрудников недолюбливает. Да и перспектива выплачивать штрафы, которые я не копила, радовала примерно так же, как перспектива остаться в этой глуши до старости. Интересно, а если не выплачу? Может, меня уволят, да и дело с концом?

Хотя нет, судя по тому, что прошлая хранительница работала здесь до самой старости, увольнения местная магия не приветствует.

Я захлопнула книгу и решительно встала. Сначала инспекция вверенного хозяйства, потом разработка плана по выходу из этого болота. В прямом и переносном смысле.

Глава 8. Знакомство с коллективом

— Ну что, веда, давай знакомиться, — вышла я на крыльцо и сразу окликнула лешего.

Хотя звать его особо не нужно было: он настолько интенсивно подпирает стену дома, словно без него она тут же рухнет. По тому, как он вздохнул, я сразу поняла, что он хотел было что-то сказать, но, заметив мою кислую мину, передумал и примирительно поднял руки, мгновенно входя в роль проводника:

— Понял-понял, Александровна, — он закивал как болванчик. — Идём и лишний раз не вякаем.

Я удивлённо на него покосилась. С какого перепуга вдруг такой понятливый? Неспроста. Подозрительность внутри росла, подпитываемая предупредительным письмом от прошлой хранильницы. Что-то он явно задумал, и это «что-то» мне заранее не нравилось.

Мы зашагали вдоль кромки леса, постепенно углубляясь в чашу. Если честно, я ждала, что невидимая преграда снова появится и перекроет мне путь, но, похоже, она работала только на выход из деревни, а на попытки углубиться в лес не реагировала. Что, впрочем, логично: как иначе территории инспектировать да порядки наводить.

— Итак, первый пункт программы — наше волшебное болотце, — воодушевлённо извещил меня леший. — К кикиморе заскочим.

Ветви деревьев понятливо расступились, и мне открылся округлый водоём, затянутый ряской. Пахло тиной, лягушками и чем-то неуловимо склочным. На берегу, под ивой, сидело нечто зелёное, тощее и страшно недовольное жизнью.

— А-а-а, явился, негодник?! — проскрипело существо и потрясло кулаками. — И как только совести хватило?! И кого это ты с собой приволок?

— Так Яга новая, Александровна, — ответил леший и повернулся уже ко мне. — А это кикимора, собственной персоной.

Кикимора смерила меня презрительным взглядом с ног до головы и, не придя в восторг от увиденного, поджала губы так, что они фактически исчезли.

— Вот и явилась, новая Яга, — затянула она нудным, тонким, скрипучим голоском, который, судя по всему, считался у неё торжественным. — Полюбуйся вот на моё житьё-бытьё. А вот этот... этот лесной проходимец, — узловатый палец ткнулся в сторону лешего, — опять вчера в мой омут шишки кидал. Говорит, проверял, как лягушки прыгают. А они у меня нервные, теперь икру нормально метать отказываются! Уже второй год! Управы на него нет!

Под конец своего длинного монолога она ускорила, повысила голос и снова принялась грозить в нашу сторону кулаками. Хорошо хоть, верхних конечностей было, как и полагается, две. Да и глаз, к счастью, тоже. Один в один наша Светлана Викторовна из бухгалтерии, только зелёная и в болоте с лягушками. Я даже ностальгически улыбнулась, чем заставила кикимору поперхнуться на полуслове.

— Второй год — это преувеличение, — тут воспользовался её заминкой леший.

— Второй! — отрезала кикимора, заводясь дальше. — И не спорь, у меня всё записано. Я с тобой ещё сочтусь, допрыгаешься!

Леший меланхолично пожал плечами с видом человека (или не человека), которого несправедливо обвиняют в том, что он действительно делал. А я мысленно открыла в голове внутренний файл «Претензии сотрудников. Входящие» и внесла туда первую запись, пообещав себе разобраться.

Если вдруг буду вынуждена задержаться здесь дольше ожидаемого.

— И вообще, — кикимора повернулась уже ко мне и окинула очередным презрительным взглядом, — мелковата ты будешь для Яги. Прошлая хоть покрупнее была. Солиднее. А ты, тьфу, срамota одна!

Вот так со знакомства мы и перешли к взаимным оскорблениям. Быстро, ничего не скажешь.

— Тебя усмирить хватит, — осадил её я. — А будешь оскорблять начальство, оштрафую. Лешего вот поселю на соседней поляне на постоянное место жительства и без права переезда.

И леший, и кикимора воззрились на меня с таким ужасом, словно я предложила им как минимум семью создать да детишек нарожать побольше.

— Чур тебя, Яга, — плюнула в сторону кикимора и отвернулась обратно к болоту, давая понять, что аудиенция окончена.

Леший опасливо на меня покосился и повёл дальше. Я сочла это за проявление корпоративной солидарности и мысленно занесла ему плюсики в отдельный столбец активов. Молодец, ведёт себя хорошо, как и полагается понятливому сотруднику.

Дальнейший наш путь проходил через речную заводь, где и обнаружился искомый водяной. Ну, как обнаружился... Сначала мне показалось, что из воды торчит замшелый валун, но валун засопел и недовольно шевельнул усами. Он сидел на коряге по пояс в воде — суровый, округлый и частично поросший мхом. Борода из тины развевалась вниз по течению, серебристые глаза сурово сверкали по сторонам, а сам он выглядел весьма довольным жизнью, но ровно до того момента, как появилась я с сопровождающим. При виде лешего его лицо заметно перекосило.

— Водяной, — торжественно представил его леший.

— Вижу, — сказала я, с удивлением разглядывая духа реки.

Всё же не каждый день видишь мистических существ, о которых раньше читала лишь в сказках. И они оказались совсем не такими, какими я себе их представляла в детстве. Водяной смотрел на меня. Я смотрела на водяного. Затем он молча коротко кивнул и без лишних слов отвернулся обратно к своей заводи.

— Привыкнет, — шепнул мне леший. — Когда привыкнет, будет кивать дважды. А то и заговорит, но это если только довести. Пару раз мне удавалось.

— Не сомневалась, что ты даже каменный валун доведёшь, — хмыкнула я. — Кто там у нас ещё остался?

— Так это... — почесал за ухом леший. — Полевой да русалки.

— А разве русалки не с водяным должны быть? — искренне удивилась я, оглядываясь.

И правда, в заводи никого, кроме нас, больше не было.

— Так говорю же, бракованный он, — пожал тот плечами. — То заморозит, то воды на целое озеро нальёт. Но русалкам нравится, живут у него при комфорте, как в настоящем полевом СПА. Он им даже настоящее джакузи соорудил.

— Слова-то какие знаешь, мудрёные.

— Не дремучий, чай. Телевизор в посёлке посматриваю, — мне показалось, или леший засмутился, рисуя круги носком сапога на песчаной лесной дорожке.

Искомый же полевой неожиданно выкатился из-за куста. Этаким коренастый колобок: круглый, суетливый и с охапкой яблок в руках. Ростом он едва доходил мне до плеча и был одет в простую льняную рубаху, подпоясанную пучком колосьев, и широкие порты, заправленные в мягкие сапоги из войлока.

— Молодильные! — провозгласил полевой, протягивая мне самое красивое из своих яблок.

— Я, пожалуй, откажусь, — быстро отодвинулась я. — Наслышана.

— Это ты, негодник, уже всё разболтал? — полевой обиженно прижал яблоки к груди и обернулся к лешему.

— Да уже весь лес знает, — парировал тот. — Не удивишь.

— Я работаю над исправлениями. Прогресс есть. В прошлом году инеем покрывало на неделю, теперь только на двое суток.

Полевой насупился, но яблоки убрал. После чего протянул мне ладонь для рукопожатия.

— Ну-с, будем знакомы.

Широкая ладонь полевого оказалась на удивление тёплой и мягкой. Кожа чуть шероховатая, пахнувшая прелой листвой и едва уловимым яблочным соком. Рукопожатие вышло энергичным и совершенно искренним: он тряс мою руку так рьяно, будто заключал торговую сделку века. Я невольно улыбнулась.

— А я-то думал, опять старая придёт с проверкой, — пробасил он, не выпуская моей руки. — А тут вон какая! Свежая! Молодая! Надолго к нам?

— Как пойдёт, — дипломатично отозвалась я, не раскрывая своих планов скорого побега.

— Ой, так ты, Александровна, погоди тогда прощаться-то, — засуетился полевой, подхватывая меня под локоток с хозяйственной бесцеремонностью. — Раз уж пришла, покажу свои уголья. Всё чин-чинарём. Не то что некоторые, — и он покосился на лешего, который демонстративно закатил глаза.

Уголья полевого начинались сразу за усыпанной клевером поляной. Они плавным изгибом уходили вниз, к разливу заводи, окруженному плакучими ивами.

Разлив же этот оказался не простым, а старательно обустроенным. Толстые корни деревьев были переплетены в мостки. Между ними, в обрамлении дикого камня, пузырилась тёплая вода - и правда, настоящее джакузи, как и говорил леший.

— Добро пожаловать в «Луговое СПА», — с гордостью объявил полевой. — Все удобства, полный релакс. Клиентура довольна. Русалки вон вообще переселились, и назад их палкой не загонишь.

Я присмотрелась. В тёплой воде, развалившись на сплетённых из водорослей лежанках, нежились три молодые русалки.

Вид у них был откровенно курортный. Одна лениво перебирала зелёные пряди, вторая рассматривала что-то в маленьком зеркальце, приспособленном на ветке, третья, приоткрыв один глаз, следила за нашим приближением с выражением крайней незаинтересованности.

Хвосты длинные, с переливающейся радужной чешуей, свисали в воду, периодически взбивая пену. Пахло речной свежестью, мятой и чем-то отчётливо цветочным: не иначе, настоем ромашки.

— Вот, знакомься: Аглая, Злата и Мира, — бесцеремонно ткнул пальцем леший. — Только они на тебя вряд ли обратят внимание. С гостями высокородными общаются, а свои для них пустое место.

И точно: русалки меня откровенно проигнорировали - та, что держала зеркальце, лишь фыркнула и отвернулась, а остальные и бровью не повели. Я же мысленно сделала пометку: коллектив капризный, требует особого подхода.

— Пойдём, — тронул меня за плечо леший, — всё равно здесь пока не рады. Тебе ещё Врата осматривать.

Пока леший тащил меня к следующей точке маршрута, я мысленно подвела итоги первого знакомства с коллективом.

Итак, что мы имеем.

Кикимора — склочная, с накопленными претензиями и хорошей памятью на обиды. Таких в любом офисе процентов двадцать, и работать с ними можно, если вовремя выслушивать и не давать спускать ситуацию на тормозах. Водяной — молчун-интроверт, делает своё дело, в чужие не лезет, на корпоративах не появляется. Золото, а не сотрудник, если не ждать от него светской беседы. Полевой — энтузиаст, иногда с кривыми руками, но искренней верой в собственный прогресс. В целом, работу выполняет неплохо, а то, что иногда чудит не повод для увольнения.

В общем, сотрудники как сотрудники. Подумаешь, зелёные. Подумаешь, некоторые с хвостами. В конце концов, я и не с такими работала.

Тем временем леший, словно пытаюсь скомпенсировать холодность большей части коллектива, развил бурную деятельность. Носился вокруг меня, как электровеник, показывая то заговорённый муравейник, то дерево, на котором совы по ночам проводят свои летучки, то тропинку, ведущую строго в одну сторону, а обратно — ни-ни.

— А зачем тропинка только в одну сторону?

— Так для блуждающих туристов, - почесал тот в затылке. - Чтобы не скучали.

— Понятно... - протянула я.

Похоже, развлекается леший не только с местными, но и с забредающими иногда путниками.

- Ну вот, - торжественно провозгласил мой проводник, - Главные Врата.

Передо мной выросло переплетение нескольких вековых сосен, чьи стволы срослись в причудливую арку. Между ними колыхалась, слегка мерцающая, полупрозрачная плёнка, как мыльный пузырь невиданных размеров, только вместо радужных разводов в ней плескались золотые искры.

А по ту сторону... Море! Самое настоящее бескрайнее синее море с белыми барашками волн. Солёный ветер ударил в лицо, и я, забыв обо всём на свете, сделала шаг вперёд, желая окунуться в этот другой мир, такой манящий и свободный.

— Стоять! — крепкая лапа лешего сжала моё плечо. — Даже не думай, Мария Александровна! Без приглашения из соседнего мира нельзя. Такой штраф влепят что и мой лес по камешку растащат, и тебя в вековую лягушку превратят!

Я замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается от разочарования. Рукой подать до нормальной жизни, где есть море, чайки и, наверное, люди, а не кикиморы с лешими. И нельзя!

— А если пригласят? — уточнила я на всякий случай.

— Тогда другое дело.

— И часто приглашают?

Леший замялся.

— Бывает, — сказал он уклончиво и забегал глазами. Всеми тремя.

Ага, поди раз в сто лет. Мне точно до такого отпуска не дожить. Я мечтательно посмотрела в сторону моря, изучая невиданный для меня раньше портал перехода в иной мир. Все же, не каждый день можно встретить настоящие чудеса, хоть налюбуйся, воздухом морским подышу.

И тут я придиричиво сощурилась:

- А это что?

С левого края мерцающей плёнки, у самого основания сосны, змеилась тонкая, едва заметная царापина. Совсем маленькая, с волосок, не больше. Плёнка вокруг нее пошла едва уловимой рябью, словно поверхность воды перед штормом.

Леший проследил за моим взглядом и неожиданно побледнел всем своим и без того не слишком румяным лицом.

— Прорыв... — прошептал он. Все три глаза медленно округлились. — Матушки-сосенки. Прорыв!!! И понеслось.

Глава 9. Прорыв.

Вокруг творилось форменное безумие.

Леший носился кругами, причитая так, что уши закладывало. Из пруда доносилось такое верещание, будто там не русалки, а стая мартовских котов, которых ошпарили кипятком. Даже кикимора, до этого мирно сидевшая в своем болоте, примчалась, начала икать от страха и сыпать вокруг какие-то травы, то ли призывая духов, то ли пытаясь успокоить всполошившихся лягушек.

Глядя на этот бедлам, я чувствовала, как к горлу подкатывает знакомая волна паники, которую на прошлой работе я глушила литрами кофе и внеплановыми совещаниями. Но кофе здесь нет и совещания проводить не с кем — ни одного вменяемого сотрудника в радиусе пары десятков километров.

— А НУ-КА, ТИХО!!!

Собственный голос ударил по барабанным перепонкам. Ох, давненько я так не орала. Где-то в глубине души даже зашевелилась профессиональная гордость — голос поставленный, громкий, вибрирующий, пробирает до печенок. Годы тренировок не прошли даром.

Эффект превзошел ожидания. Леший замер с поднятой ногой, застыв в нелепой позе. Верещание из пруда оборвалось на полувзвизге. И даже кикимора перестала мельтешить и уставилась на меня, выпучив свои и без того круглые глазищи.

Тишина. Только ветер шумит в соснах да мое сердце бухает где-то в горле.

— Та-а-ак, — выдохнула я, пытаясь унять дрожь в коленях. — Теперь по порядку. Леший!

Тот вздрогнул, словно я позвала его напрямую на каторгу.

— Что обычно прошлая хранительница делала, когда такое случалось? Ну, Ядвига которая...

Леший переступил с ноги на ногу, почесал затылок и выдал с таким возмущением, будто я только что спросила как минимум рецепт философского камня:

— Почему мне знать, Александровна? Прорывов-то уж пару сотен лет как не было. Почитай, со времен бабки Ярославны. Та еще крепкая была старуха, царствие ей лесное. Близко не подпускала, но вроде она на прорыв руки прикладывала да заклинания запечатывающие читала.

— Заклинания? — мой голос снова повысился. — Какие, к лешему, заклинания?! Я похожа на домашнюю энциклопедию, которая хранит бесценные знания о том, как заклинаниями штопать дыры между мирами?!

Леший от такого напора отрицательно закивал, попятился и на всякий случай спрятался за ближайшую сосну.

Так. Спокойно. Вдох. Выдох.

Еще раз. Где-то я это уже проходила. Стресс-менеджмент, чтоб его: принять ситуацию, оценить ресурсы, разработать план. Ресурсы: я и мои не совсем человеческие помощники. План: отсутствует. Ситуация: катастрофическая, я бы даже сказала — на грани мирового масштаба.

Переходим к плану Б.

Что там советовали в этих дурацких фэнтези-книжках, которыми я порой зачитывалась ночами, пока моя не слишком радужная жизнь методично разрушалась? Обычно герой приходил, и сразу у него появлялся мудрый наставник, обучающий азам магического ремесла. Мой же наставник лишь постыдно сбежал, повесив на меня накопленные вековые долги, а из помощников можно было опереться на не слишком дружелюбную ко мне нечисть.

Прислушайся к магии внутри, — начала повторять я сама себе, прикрывая глаза и напрягаясь изо всех сил. Почувствуй, как сила течет по твоим жилам. Она точно должна быть внутри, такого просто не может быть, чтобы меня назначили хранителем без силы.

Ну-ну.

Я прислушалась. В животе урчало от голода, в висках стучало от повышенного давления, а в груди зрела обида на весь несправедливый мир, засунувший меня в эту лесную дыру.

— Она растет! — неожиданно на ультразвуке заверещал Леший из-за своей сосны, облюбованной в качестве убежища. — Надо срочно что-то придумать!

От испуга мне в это мгновение действительно показалось, что трещина дернулась. Вот прямо на моих глазах короткая вспышка, и тонкая ниточка превратилась в небольшую, но вполне себе отчетливую щель, из которой пахнуло солью и грозой.

И меня накрыло липким животным ужасом, от которого внутренности мгновенно сжались в комок, сконцентрировавшись в области груди, а земля начала уходить из-под ног. Волна, зародившаяся где-то в солнечном сплетении, прокатилась вверх, к самым кончикам пальцев, словно я ухнула в скоростном лифте с сотого этажа. Это было похоже на то самое непонятное чувство, которое я испытала, когда впервые прикоснулась к воротам Ядвиги, но в десятки раз ярче.

Не думая, я рванула к разрастающейся трещине и прижала обе ладони к холодной, дрожащей пелене между мирами, надеясь лишь на чудо.

— ДА ЗАКРОЙСЯ ТЫ УЖЕ! — рявкнула я, буквально приказывая прорыву срастись обратно.

В этот же момент в груди очередной раз ухнуло, и ладони нагрелись. Не больно, но вполне ощутимо, словно я сунула пальцы в горячую воду и она постепенно все больше нагревалась. Воздух вокруг мировых ворот сгустился, пошел рябью, а потом... потом раздался такой звук, словно кто-то провел мокрым пальцем по хрустальному бокалу.

Я вздрогнула и открыла глаза. Даже не помню, когда успела их зажмурить.

Трещины не было. Совсем.

И пленки, похожей на мыльный пузырь, тоже. Теперь между соснами сияла гладкая, идеально ровная стена из прозрачного стекла. Матовая, чуть поблескивающая на солнце, но совершенно непроницаемая, как стеклопакет в хорошей новостройке. Только с той стороны не шумный проспект, а целый мир с морем и чайками.

Леший на негнущихся ногах подошел поближе, протянул зеленый палец и робко постучал. Звук вышел звонкий и, судя по всему, совершенно безнадежный для нас. Он поскреб ногтем поверхность, потом прижался к ней всем телом, словно надеясь пройти стену насквозь, но куда не произошло.

— Кхм... — выдавил он, сглотнув. — Поздравляю, Мария Александровна. Похоже... это... ты их закрыла. Насовсем. Теперь это не врата. Это... памятник вратам!

Я смотрела на дело рук своих в прямом смысле, потому что ладони до сих пор покалывало, и чувствовала, как внутри холодеет. Похоже, я только что наглухо заколотила проход между мирами — вместе с морем и надеждой, что туда можно будет когда-нибудь сбежать.

Русалки в пруду молчали, Леший замер столбом, и даже кикимора перестала непрестанно икать. Тишина стояла такая, что слышно было, как мимо пролетает большая и жирная муха, со звоном ударяясь о новообретенную стеклянную перегородку.

Что там Ядвига писала про штрафы за превышение полномочий? Кажется, за такое меня буквально четвертуют. Или как Леший говорил? В вековую лягушку превратят?

Вот так приехали. Новый руководитель прибыл и сразу провел «оптимизацию межмировых проходов». Эффективный менеджмент, мать его.

Глава 10. Выхода нет. И входа тоже.

В ушах звенело то ли от усталости, то ли от перенесённого потрясения, а я так и продолжала стоять столбом, тщетно пытаюсь осмыслить масштаб произошедшей катастрофы.

Похоже, плакала моя свобода горючими слезами. Море, чайки, путешествия — всё накрылось медным тазом, едва успев появиться на горизонте.

— Ты же сказал, она без магии, — раздался за спиной сбивчивый шепот.

— Откуда ж мне было знать?! Я всё проверил, пустышка как пустышка была по всем амулетам. А теперь откуда что взялось, я вообще почему знаю!

А вот этот шепот точно принадлежит Лешему. Сложно спутать.

— Мы же просто попугать хотели, а теперь что?!

Я медленно, всё ещё находясь в некой прострации, повернулась на назойливый звук.

Леший, полевой и кикимора сбились в кучку у соседней сосны, а русалки испуганно притихли у самой кромки воды. Вид у всей компании был такой, что краше в гроб кладут. Леший бледно-зелёный, кикимора нервно теребила подол своего болотного сарафана, а русалки, напрочь забыв о царственном величии, испуганно прижимались друг к другу, тараша на меня огромные, полные ужаса глаза.

И тут в моей голове что-то щелкнуло. Словно последний кусочек пазла встал на место, издавая мерзкий скрип.

Розыгрыш. Твою мать.

— Погодите, — мой голос прозвучал до отвращения спокойно. — Вы хотели меня... разыграть?!

Повисла пауза. Такая, что слышно было, как у кикиморы зуб на зуб не попадает.

— Ну-у-у, — протянул Леший, пытаюсь спрятаться за спину кикиморы, что при его габаритах было физически невозможно, — мы это... хотели как лучше. Традиция у нас такая. С новенькими. Ядвигу тоже разыгрывали! И бабушку Ярославну. Только там всё проще было — они сразу понимали, что к чему, смеялись, а потом вместе с нами чай с мухоморами пили, и всё... А ты... ты же говорила, что магии не знаешь!

Чай значит... С каждой фразой я все дальше переходила черту ярости, погружаясь в ледяное бешенство.

— А она и не знает, дубина ты стоеросовая! — взвизгнула кикимора, отвечивая Лешему подзатыльник, да хлесткий такой, что эхо по лесу пошло. — Пошутим над новенькой, она ж городская, смешно будет, — тонким голоском передразнила она. — Где смеяться, я тебя спрашиваю?! ГДЕ?!

— Ну я же проверял! — в отчаянии завопил леший, активно жестикулируя и рискуя выбить глаз ни то полевому, ни то самому себе. — Когда она в обморок грохнулась, я магии в ней не почуял! Вообще! Ноль! Пусто! Как в старом пне! А тут... такое...

Магии значит нет... проверяли значит.

Не знаю, что отразилось в моих глазах, но новообретённые подчиненные на всякий случай поспешно отскочили от греха подальше.

— Проверял он, — крикнула выглянувшая из камышей русалка, и я мысленно поставила галочку — ага, товарищи по несчастью, уже не такие и высокомерные, когда жареным запахло. — А теперь что? Врата наглухо закрыты, к нам оттуда никто не зайдет и мы туда не выйдем. С приглашением или без него. Ты понимаешь, что наделал?! У меня, между прочим, свидание с тритоном из Средиземного намечалось. Он обещал жемчуг с затонувших галеонов принести!

— А у меня вообще свадьба через месяц в Подводном, — подхватила вторая, и в ее глазах заблестели слезы. — Морской царь так долго и красиво за мной ухаживал, ракушки дарил, а теперь что? Так и помру старой девой!

Оно громко зарыдала и скрылась под водой, зло хлестнув хвостом по поверхности пруда.

— И напомним, что скоро день регулярной поставки приграничных мухоморов для высший знати Междумирья, — вставила кикимора, снова отвешивая лешему затрещину, но теперь уже с другой стороны. — Нам знаешь, какой штраф за срыв контракта выставят?!

Леший втянул голову в плечи и стал подозрительно напоминать нашкодившего пса, которого тычут носом в разодранный диван. Только у пса глаза честные и виноватые, а у этого — бегающие и ищущие пути к отступлению.

Я же стояла и слушала как рушится мой, оказывается, не такой уж до этого и безнадежный мир. Театральная постановка силами местного фольклорного ансамбля, окончательно поставила точку в череде моих неудач, а я, как последняя дура, повелась. Да еще и магию разбудила, о которой знать не знала.

Теперь же у нас на совести — запечатанные намертво врата между мирами и одна необразованная магичка, которая медленно перевела взгляд на лешего. Тот, почувствовав внимание, жался еще сильнее и сделав еще одну робкую попытку спрятаться за кикимору.

Кикимора безгласно отодвинулась.

— Леший... — произнесла я ласково.

Так ласково, что кикимора икнула и на всякий случай отошла от греха подальше на пару шагов.

— Я-а-а? — пропищал он, сглатывая.

— Иди-ка сюда, — я улыбнулась и поманила его пальчиком. — Иди-иди. Разговор есть.

— Мария Александровна, дык это... я ж не со зла! Я ж как лучше хотел! Сплотить коллектив! Командообразование это! — леший пытался, пока не уперся спиной в ту самую сосну, что теперь красовалась наглухо запечатанными вратами.

— Командо-образование? — переспросила я, медленно приближаясь. — Ты мне тут корпоративные тренинги устроить решил?! Тимбилдинг по-лесному?! С инсценировкой катастрофы?!

— Ну-у-у... — он обреченно посмотрел на остальных в поисках поддержки, но не нашел.

Кикимора демонстративно уставилась в небо. Русалка и полевой сделали вид, что их тут вообще нет, мимикрируя под природный фон.

— Я ведь городская, — продолжала я все тем же ласковым, леденящим душу тоном, — а значит, фантазия у меня богатая. Сейчас я тебе такое командообразование устрою...

И многозначительно замолчала. Пусть сам додумывает. Это, как я выяснила еще на прошлой работе, намного страшнее, чем озвученная угроза. Неизвестность пугает сильнее.

В голове проносились варианты один краше другого. Превратить его в пень трухлявый? Нет, это слишком гуманно, да и заклинаний превращательных я не знаю. Сдать кикиморе на опыты с ее сомнительными травами? Уже лучше. Отправить к русалкам в вечное услужение за несостоявшееся свидание? Тоже неплохо, они ему такое устроят — месяц икотой маяться будет. А может, заставить его теперь лично перед каждым жителем междумирья извиняться? С письменными объяснительными? С презентацией на тему «Почему нельзя шутить над начальством»?

Я смотрела на съжившегося лешего и чувствовала, как внутри кипит вулкан. Нет, убивать я его, конечно, не буду. По крайней мере, не сразу. Сначала пусть помучается. Пусть осознает и прочувствует, как я тут стояла, думая, что сейчас миры рухнут, а мне отвечать.

А потом уже можно и прихлопнуть. Медленно, бережно и с фантазией.

— Значит так, — я сделала еще один шаг к лешему и уперла руки в боки, — у тебя есть ровно сутки, чтобы придумать, как открыть врата обратно. Не придумаешь — я лично позабочусь о том, чтобы твоя должность «хранитель леса» сменилась на «удобрение для сосен». Усвоил? Леший судорожно закивал, рискуя оторвать себе голову. — А остальные, — я обвела

тяжелым взглядом притихшую нечисть, — дружно вспоминают все, что знают о магии, вратах, заклинаниях и способах их открытия. И молитесь, чтобы я не разозлилась еще силь...

Я не договорила. Потому что в этот момент во врата — те самые, намертво запечатанные, непроницаемые, глухие как пробка — тихо, но отчетливо постучали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.